

взрослыми. При нем был также меч Фотбит.

Снорри и Гудрун тотчас же завели беседу, а Болли и спутник Снорри сидели на скале и наблюдали за проезжающими по всей округе. И после того, как Снорри и Гудрун обменялись новостями, Снорри спросил ее, какое новое происшествие заставило ее так спешно за ним послать. Гудрун сказала:

– Это правда, что для меня то происшествие, о котором я теперь сообщаю, все еще ново, хотя оно случилось двенадцать лет тому назад, потому что я хочу поговорить о мести за Болли. Для тебя это не должно быть неожиданным, поскольку я не один раз напоминала тебе об этом. Я хочу также сказать о том, что ты обещал мне некоторую поддержку, если я запасусь терпением, но теперь, как мне кажется, утрачена надежда, что ты позаботишься об этом деле. Я ждала так долго, сколько могла принудить себя, а теперь я хотела бы получить от вас совет, против кого должна быть направлена эта месть.

Снорри спросил, каковы ее намерения. Гудрун сказала:

– Мое желание таково, чтобы не все сыновья Олава остались невредимы.

Снорри сказал, что не может допустить, чтобы они напали на людей, самых уважаемых во всей округе.

– И к тому же, – продолжал он, – они близкие родичи тех, кто должен отомстить. Пора прекратить эти усобицы внутри рода.

Гудрун отвечала:

– Тогда нужно напасть на Ламби и убить его. Так мы отделаемся от самого злобного из врагов.

Снорри отвечал:

– Есть причины, по которым Ламби следовало бы убить. Но мне не кажется, что это будет надлежащей мстью за Болли. При переговорах о примирении мало будет почета для Болли, если сба эти убийства будут приравнены друг к другу.

Гудрун сказала:

– Может статься, что мы не сумеем нанести равный ущерб людям из Лаксдаля и добиться справедливости. И все же кто-то должен заплатить за утрату, в какой бы долине он ни жил. Тогда следует обратиться против Торстейна Черного, потому что ни один из них не поступил хуже в этом деле, чем он.

Снорри отвечал:

– Торстейн в этом деле повинен так же, как все те люди, которые отправились в путь, чтобы убить Болли, но не коснулись его оружием. Однако ты оставляешь в покое одного человека, который, как мне кажется, больше заслужил мести и который принес Болли смерть. Это Хельги, сын Хардбейна.

Гудрун отвечала:

– Это верно. Однако я не могу примириться с тем, чтобы все эти люди, ненависть к которым у меня до сих пор все возрастала, продолжали спокойно жить.

Снорри отвечал:

– У меня есть хороший совет. Пусть Ламби и Торстейн отправятся в поход против Хельги с твоими сыновьями. Ламби и Торстейн заплатят тогда немалую цену за мир. Но если они этого не захотят сделать, тогда я не замолвлю за них больше ни слова, и пусть они будут наказаны так, как вам будет по нраву.

Гудрун спросила:

– Какой путь должна я избрать, чтобы заставить этих людей принять участие в том походе, о котором ты говорил?

Снорри отвечал:

– Это должен решить тот, кто будет главарем этого похода.

Гудрун сказала:

– Тут нам понадобится твой совет, кого назначить главарем и предводителем этого похода.

Тогда Снорри улыбнулся и сказал:

– Ты уже, как видно, выбрала нужного человека для этого.

Гудрун отвечала:

– Это ты говоришь, верно, о Торгильсе.

Снорри подтвердил, что это так. Гудрун сказала:

– Я говорила об этом с Торгильсом, и можно считать, что это ни к чему не привело, потому что